

Цин Янь с покрасневшими ушами вышел из медицинского зала. В голове все еще звучали слова старого врача:

— Старший брат написал мне письмо, сообщил, что яд из организма брата Цю полностью выведен. Если теперь он будет беречь себя, никаких последствий не останется, память постепенно восстановится, и с рождением детей проблем тоже не будет.

Перед уходом старый врач добавил:

— Передай брату Цю, чтобы он как-нибудь заглянул ко мне.

Цин Янь нахмурился, предполагая, что это может быть связано с очередной порцией горького отвара. Хотя лекарства, назначенные этим врачом и его другом, и были эффективны, принимать их было крайне тяжело. Каждый раз после них Цю Хэнянь слабел на некоторое время.

Но старик лишь рассмеялся:

— Пусть не беспокоится, я расскажу ему несколько секретов — как лучше всего зачать мальчика, девочку или гера.

Цин Янь смущённо поблагодарил и поспешил к выходу. На обратном пути он шёл словно в тумане, настолько глубоко ушёл в свои мысли, что, опомнившись, уже оказался у самого порога дома. Он собирался зайти в мясную лавку и купить курицу, но, задумавшись, напрочь забыл об этом.

По дороге Цин Янь думал о том, что, будь у них мальчик, девочка или гер, они с Цю Хэнянем полюбят и будут оберегать ребёнка. Если это будет мальчик, он надеялся, что тот будет похож на Цю Хэняня. А если девочка — может быть, она унаследует черты его самого?

— Хотя девочка, похожая на Хэняня, тоже будет хороша, — рассуждал он. — Она станет той самой изящной, длинноногой красавицей.

Однако, представляя гера, он быстро отказался от мысли, что тот будет напоминать Цю Хэняня. Смеясь, Цин Янь подумал:

— Ладно уж, пусть тогда будет больше похож на меня.

Но он сразу одёрнул себя:

— Рано ещё об этом думать. Всё решит судьба.

Вечером

Когда Цю Хэнянь принимал ванну, Цин Янь помогал ему мыть голову. В это время он нерешительно сообщил о словах старого врача. Цю Хэнянь не показал удивления — лишь кивнул и спросил, как тот сам относится к этой теме. Услышав, что Цин Янь не стремится к чему-то конкретному, он спокойно ответил:

— Тогда пускай всё будет так, как должно быть.

Эти слова полностью совпадали с мыслями Цин Яня.

После того как волосы были вымыты, Цю Хэнянь выбрался из ванной, завернувшись в халат. Однако заметил, как Цин Янь весь покраснел, стоя рядом. Он наклонился и с мягкой улыбкой спросил:

— Что такое? До сих пор не привык?

Цин Янь замотал головой, становясь ещё краснее:

— Нет, не в этом дело...

— Это из-за разговора о детях?

От этих слов Цин Янь замолчал и опустил взгляд, избегая встречаться с ним глазами. Цю Хэнянь понял всё без слов, подошёл ближе, взял его за подбородок и мягко поднял лицо. Глядя в глаза гера, который смущённо опустил ресницы, он тихо сказал:

— Мы ведь с тобой прошли через многое. Почему же ты всё ещё стесняешься?

Прежде чем Цин Янь успел ответить, Цю Хэнянь легко поднял его на руки и положил на кровать. Поцелуй длился долго. Когда он наконец поднял голову, то заметил, как глаза Цин Яня заблестели. Несмотря на это, гер заботливо придерживал влажные концы его волос, чтобы не намочить постель.

Цю Хэнянь рассмеялся, взял его за руку и помог сесть. Цин Янь терпеливо начал вытирать его волосы тканью. Его движения были нежными, дыхание — едва уловимым, а случайные пряди волос щекотали шею и прохладно касались кожи.

Цин Янь сидел на коленях позади него, терпеливо и аккуратно вытирая его волосы

полотенцем. Его дыхание было тихим и ровным, но при каждом наклоне он слегка приоткрывал рот, и в воздухе раздавался короткий, едва слышный выдох. Несобранные длинные пряди то и дело касались щёк Цю Хэняня, их прохладное прикосновение было мягким и приятно бодрящим.

Оба сидели под одеялом, которое доходило до талии, и читали книгу, прислонившись друг к другу. В какой-то момент лицо Цин Янь слегка покраснело. Он бросил на мужчину рядом взгляд, полный укоризны.

Цю Хэнянь, словно ничего не заметив, спокойно спросил:

— Что случилось?

Цин Янь вытянул из-под одеяла его шаловливую руку, обхватившую его тело, и, будто наказывая, слегка прикусил его ладонь. Цю Хэнянь лишь улыбнулся, склонился к нему и нежно поцеловал в лоб.

Видя, что Цю Хэнянь начинает клевать носом, Цин Янь тихо спросил:

— Хочешь спать?

Мужчина кивнул, и они легли лицом друг к другу.

Через некоторое время Цин Янь снова заговорил:

— Не можешь уснуть? Я потушу лампу?

Цю Хэнянь покачал головой:

— Не нужно.

Но, несмотря на эти слова, его глаза так и не закрылись. Цин Янь некоторое время наблюдал за ним, потом, прикусив губу, нырнул под одеяло.

Прошло несколько минут. одеяло приподнялось, и краснеющий Цин Янь выбрался из постели, прикрывая рот рукой, и вышел из спальни. Откуда-то донёсся звук полоскания. Когда он вернулся, Цю Хэнянь уже поправил постель. Они снова легли рядом.

— Устал? — спросил Цю Хэнянь.

Цин Янь замешкался, затем признался:

— Нет... Ну, разве что рот и щеки немного устали.

Цю Хэнянь мягко рассмеялся и провёл ладонью по его лицу. Цин Янь поймал эту руку, крепко сжал её, и, сложив их руки вместе, положил их между ними.

— Спи, — тихо сказал он.

Цю Хэнянь, измотанный до предела, наконец закрыл глаза и вскоре заснул. Цин Янь осторожно убрал с его лица упавшие пряди волос, некоторое время наблюдал за ним, затем взял книгу, лежавшую рядом, и, перелистывая страницы, то и дело бросал взгляд на спящего мужчину. Лишь когда усталость взяла верх, он потушил лампу и лёг рядом.

□□.....

Ответ от Цинь Лянчуаня так и не пришёл. Когда Цин Янь упомянул об этом, Цю Хэнянь помолчал немного, а затем сказал:

— Его письмо уже ничего не изменит.

Цю Хэнянь восстановил большую часть своих воспоминаний, но его больше не мучили былые догадки. Он и сам приблизительно догадывался о многом, но не стремился подтверждать свои подозрения. На этом всё должно было закончиться, независимо от того, вспомнит он что-то ещё или нет.

К тому же, по словам Жэнь Сяо, Цинь Лань и её отец переписывались с завидной регулярностью — одно-два письма каждый месяц. Почерк и манера изложения были вполне нормальными, что подтверждало, что с Цинь Лянчуанем всё в порядке.

Получил ли он письмо или ответил ли на него? Или же ответ пропал где-то по пути? Этот вопрос остался нерешённой загадкой, навсегда ушедшей в тень прошлого.

К концу сентября и началу октября наступило время осеннего сбора урожая. В этом году семья У Цюнянь, вдохновившись примером Цин Яня, решила не только засадить свои земли рисом, но и выделить несколько грядок под овощи для домашнего употребления.

Цин Янь в этом году посеял рис и сою, а также немного овощей: в основном зелёный лук, пекинскую капусту, фасоль и люффу.

С началом сельскохозяйственного сезона Ван Саньяо взял отпуск у богатого землевладельца и вернулся домой, чтобы помочь с уборкой урожая. У Цюнянь, поправив здоровье за полмесяца отдыха, тоже приняла участие в работах, особенно в те дни, когда в магазине не было много покупателей. Помимо них, в поле работали ещё пять-шесть наёмных рабочих, которые выполняли основную часть задач.

Что касается У Цюнянь и Цин Яня, они почти не могли заниматься полевыми делами — все силы уходило на дела в магазине. Земли тёти Ли, которая тоже помогала им, были сданы в аренду.

Северный климат вынуждал крестьян в прилегающих деревнях спешить с уборкой урожая. Уже к концу октября все работы в полях заканчивались. Тогда фермеры, продав собранное зерно и получив наличные деньги, начинали тратить их на себя и свои семьи. После долгого трудового года каждый хотел немного порадовать своих близких: жён, супругов, детей, будь то покупка вкусной еды или новых нарядов.

Кроме того, приближался Новый год, а с ним и сезонный рост цен, поэтому многие предпочитали делать покупки заранее. Магазины вроде «Сяньюньфан» в такие периоды пользовались особой популярностью. Тётя Ли каждый день сидела на втором этаже, спешно готовя новую партию ароматных мазей и кремов, У Цюнянь занималась работой в магазине, а Цин Янь искал и закупал новые товары.

Он исходил весь город и соседний уезд в поисках качественных и недорогих товаров. Однако конкуренция усилилась: в уезде уже начали появляться лавки, копирующие «Сяньюньфан». Даже мази и маски, созданные тётей Ли, начали подделывать, причём в это время не существовало ни патентов, ни защиты авторских прав.

К счастью, Цин Янь регулярно подбрасывал тёте Ли свежие идеи, а она вместе с У Цюнянь придумывала новинки для серии «Снежинка», чтобы привлекать покупателей. Они понимали, что вскоре в городе тоже могут появиться подобные лавки, и поэтому стремились сохранить уникальность.

Цин Янь заметил, что многие товары слишком доступны: их мог закупить кто угодно, а постоянная ценовая борьба лишала смысла торговлю. Поэтому он решил сосредоточиться на поиске уникальных вещей.

Сначала он ломал голову над этой задачей, пока Цю Хэнянь не напомнил ему о купце по фамилии Чжэн, с которым они имели дело ранее. После событий, связанных с поиском Цинь Лянчуаня, между ними установились доверительные отношения — первый и самый важный шаг в совместном деле был пройден.

Цин Янь объяснил свои потребности, и купец Чжэн позвал к ним старого знакомого, торговца по прозвищу Фэн Лаосань.

— Тебе давно пора выбраться за пределы этого уездного городка, — сказал Чжэн, — хватит сидеть на месте.

Фэн Лаосань недавно завершил траур по умершим родителям, и идея вернуться к торговому делу его обрадовала. Выслушав Цин Яня, он быстро собрал небольшой торговый караван и отправился в столицу. Путь из уезда Мулин в столицу был гораздо короче, чем в южные провинции. Дорога шла по ровному тракту, а караван Фэн Лаосаня был хорошо оснащён

лошадьми. Менее чем за полмесяца они вернулись с телегами, нагруженными доверху товарами из столицы.

Фэн Лаосань предложил Цин Яню выбрать товар первым, а остатки уже отправить в другие лавки. Цин Янь, разумеется, не оставался в долгу. Он не только расплачивался щедро и без лишних разговоров, но и обеспечил Фэн Лаосаня дополнительными дивидендами. Всякий раз, как в «Сяньюньфане» продавали его товар, часть прибыли доставалась Фэн Лаосаню, с расчётом раз в месяц.

Получив такие условия, Фэн Лаосань стал подходить к поставкам для Цин Яня с ещё большей ответственностью: что досталось Цин Яню, того больше никому не предлагали.

Модели, популярные в столице, конечно, были недоступны в маленьких городах, и даже высокая цена казалась оправданной.

Цин Янь заказал у столяра специальную витрину, установив на ней вывеску с надписью «Столичные тренды» — на этом сделал основной акцент. А такие товары, как мази и кремы, изготовленные тётёй Ли, уже обзавелись постоянными покупателями и помогали стимулировать продажи остальной продукции в лавке.

Результат оказался впечатляющим: за весь ноябрь прибыль «Сяньюньфана» удвоилась по сравнению с месяцем открытия, когда проводились акции. Спустя три месяца Цин Янь уже полностью окупил аренду на год. У Цюнянь и тётя Ли, воодушевлённые успехом, стали работать с ещё большим энтузиазмом.

Проводя дни в непрестанном труде, Цин Янь однажды, закончив дела, заглянул в домашнюю кладовку и обнаружил, что Цю Хэнянь соорудил деревянные полки, на которых теперь хранились мешки с рисом — так они не отсыреют и не заплесневеют. Бочки с уже отжатым, золотистым соевым маслом стояли ровными рядами. Капусту высушили и убрали в погреб за домом, зелёный лук тоже высушили, связали в пучки и развесили. Бобы, которые не успели съесть, превратили в сушёные заготовки. Даже волокна люффы вырезали, высушили и приготовили для использования — ими можно было мыть посуду или принимать ванну.

Хотя в доме были наёмные работники, столько дел оказалось им не под силу, и Цю Хэняню пришлось приложить немало усилий. К тому же за последний месяц работы в кузнице тоже прибавилось. Цю Хэнянь трудился на два фронта, и Цин Янь с сожалением замечал, как тот выматывается.

Однако расслабляться было ещё рано. До Нового года оставался всего месяц, и в преддверии праздника многие семьи закупают новые котлы, сковороды, а также чинили сломанный осенью инвентарь. Кузница всё ещё работала без перерывов.

Цин Янь попросил Фэн Лаосаня завезти партию ярко-красных праздничных украшений, которые должны были прибыть на днях. Это обещало ещё больше забот.

Сегодня же, наконец выкроив немного времени, Цин Янь решил приготовить что-нибудь вкусное. Он отправился в кузницу, чтобы угостить мастера и его ученика.

Как только Цин Янь вошёл, ученик Сяо Чжуан почтительно окликнул его: «Шиму!» — и поспешил выскочить наружу. Однако мастер успел схватить его за воротник и втянуть обратно.

Цю Хэнянь с холодным выражением лица спросил:

— Работу доделал? Куда это ты собрался?

Сяо Чжуан, хоть и заметил, что его мастер стал выглядеть лучше, находил его строгую мину куда более внушающей страх.

Почёсывая затылок, он смущённо ответил:

— Моя мать велела мне быть сообразительным. Сказала, что у вас с шиму хорошие отношения, и как только вы встретитесь, наверняка захотите поговорить по душам. Раз уж мастерица пришла, я лучше уйду прогуляться.

В глазах Цю Хэняня промелькнуло что-то тёплое, хотя неясно, какая именно часть слов ученика подняла ему настроение. С уголков губ исчезла суровая складка, и он, указав на корзину в руках Цин Яня, спросил:

— Ты, значит, пойдёшь прогуляться, а еду, которую сделал твой шиму, есть не станешь?

Глаза Сяо Чжуана тут же загорелись:

— Тогда я не уйду! Я останусь есть!

Цин Янь, улыбаясь, поставил корзину на стол. Цю Хэнянь вымыл руки, поднял складной столик и помог Цин Яню расставить блюда. Когда оба потянулись за одной и той же тарелкой, их пальцы случайно соприкоснулись. Цин Янь замер, а его подушечка пальца ощутила лёгкое сжатие. Лишь после этого тарелку подали на стол.

За едой все трое собрались за одним столом. Болтая о пустяках, они неспешно обедали.

В такой уютной атмосфере Цин Янь вдруг понял, что уже как минимум полмесяца не сидел так спокойно за трапезой с Цю Хэнянем.

После обеда они быстро прибрали стол и выпили чаю, чтобы освежить вкус. Именно в этот момент Цю Хэнянь задал Сяо Чжуану вопрос:

— А что именно твоя мать тебе говорила?

Сяо Чжуан сначала растерялся, но быстро сообразил и вскочил на ноги.

— Мастер, шиму, я переел. Пойду немного прогуляюсь!

С этими словами он выскочил из мастерской и исчез, прежде чем Цин Янь успел что-либо сказать.

Цю Хэнянь встал и плотно закрыл дверь лавки, затем вернулся к столу и снова сел пить чай. Цин Янь поставил чашку, аккуратно сложив руки на коленях. Цю Хэнянь, отпив ещё глоток чая, заметил, как его гер сидит прямо, опустив голову, с едва заметным румянцем на ушах.

Поняв, в чём дело, Цю Хэнянь усмехнулся и сказал:

— На улице сейчас ветрено. У меня нет других намерений — просто давно не удавалось посидеть вот так вместе, поговорить.

Цин Янь поднял глаза, глядя на него с оттенком раздражения. Цю Хэнянь протянул руку и накрыл ладонью его руку, лежащую на колене. Смотрел он мягко, а голос прозвучал почти шёпотом:

— Я грязный, вдруг испачкаю твою одежду.

Цин Янь тихо пробормотал:

— А я и не боюсь.

Цю Хэнянь опустил взгляд, глаза его потемнели. Он встал, голос его прозвучал чуть хриловато:

— Я давно не ночевал в кузнице, но уже успел поменять постель.

Цин Янь встал вслед за ним, его лицо пылало:

— Я не это имел в виду. Просто... хотел обнять тебя.

Наступила пауза. Они стояли, глядя друг на друга. Наконец, оба сделали шаг вперёд. Объятия стали теплее, за ними последовал поцелуй.

Шёпотом Цю Хэнянь сказал:

— На днях я ходил в клинику.

Цин Янь знал, что ему нужно регулярно проверять пульс у старого доктора, и с волнением спросил:

— Всё в порядке?

— Да, — отозвался Цю Хэнянь, и Цин Янь с облегчением выдохнул.

Но тут же услышал шёпот у своего уха:

— Если бы у нас был ребёнок, похожий на тебя, такой же, как ты, маленький гер, было бы здорово.

Цин Янь слышал что-то подобное раньше, поэтому не удивился, но не понял, почему эта тема всплыла снова.

Впрочем, он быстро смекнул:

— Старый доктор рассказал тебе тот секрет?

Цю Хэнянь кивнул и шёпотом объяснил что-то на ухо. Услышав, Цин Янь покраснел ещё сильнее.

Оказывается, тот секрет вовсе не был чудодейственным рецептом, как он думал, а заключался в... особом способе, связанном с определённой позой.

<http://bllate.org/book/13590/1205245>